

*Посвящается Джейми Самфиру.  
Люблю тебя больше шоколада!*

# Глава 1

Каково это — быть человеком, меня, честно говоря, никогда не интересовало. Как говорит дедушка Пироп, «с тем, кого ешь, лучше не разговаривать». А всякий дракон знает — нет пищи опаснее человека.

Разумеется, я еще маленькая, людей толком не видела, только их драгоценности и книжки. Драгоценности у них восхитительные, а вот книги меня бесят. Только чернила попусту тратят! Как я ни щурилась, а дальше первой страницы из скрюченных путаных строчек продвинуться не сумела — ничего не разберешь. В последний раз я так разозлилась, что спалила целых три книжки дотла, и всего лишь потому, что сердито вздохнула.

— У тебя совсем нет возвышенных чувств? — вознегодовал мой братец, увидев, что я натворила. Яспис собирался в философы, поэтому старался всегда сохранять спокойствие, но хвост у него сейчас угрожающе задергался, и по всей нашей пещере разлетелись золотые монеты, а он сердито смотрел на грудь, которая дымилась перед моим носом.

— Ты только подумай, каждую из этих книг написало существо, у которого мозг в половину твоей подо-

швы, — важно изрек он. — Но даже у такого малютки терпения больше, чем у тебя!

— Да что ты говоришь?

Я обожала выводить нашего больно умного Ясписа из себя... А теперь, когда я изничтожила своих крошечных бумажных врагов, как раз хотелось позабавиться. Так что я приготовилась, и у меня даже чешуйки встопорщились от удовольствия.

— А по мне, у всякого, кому охота тратить время на эти муравьиные каракули, мозгов что у муравьишки.

— Р-р-рык! — яростно зарычал Яспис, ринулся вперед и приземлился ровно туда, где я сидела секунду назад. Не ожидай я нападения, он бы впечатал меня в гору бриллиантов и изумрудов, и я бы ободрала всю свою чешую, а она у меня пока еще нежная. Но в груду самоцветов врезался сам Яспис, а я радостно прыгала у него на спине и тыкала его носом в кучу камушков.

— Дети, угомонитесь! — Наша многострадальная мама подняла голову и вздохнула, так что по пещере снова полетели золотые монеты. — Тут кое-кто пытается поспать, потому что устал после долгой и трудной охоты!

— Я бы помогла тебе охотиться, — сказала я, скатываясь с Ясписа. — Вот если бы вы меня взяли...

— У тебя чешуя еще не отвердела — ее даже волк прокусит. — Мама снова положила огромную голову на передние лапы, сверкавшие синевой и золотом. — Я уж не говорю о пуле или заклинании, — утомленно добавила она. — Вот лет через тридцать, когда ты подрастешь и будешь готова летать...

— Не хочу я ждать еще целых тридцать лет! — завопила я. Голос мой эхом заметался по нашей пещере,

и из соседних тоннелей возмущенно и сонно заворчали дедушка и обе тетушки. Но я и внимания не обратила. — Не хочу вечно торчать в этой норе, в этой горе, никуда не летать, ничего не делать...

— Вот Яспис тратит юные годы с толком — изучает философию. — Куда только подевалась усталость! Мама заговорила твердым, холодным голосом — совсем как бриллиант. Она вскинула голову, ее длинная шея поднималась надо мной все выше и выше, и огромные золотые глаза сузились в грозные щели — так и нацелились на меня, ее непослушную дочку. — Другие драконы тоже эти тихие годы даром не теряют: кто занялся литературой, кто историей, кто математикой, кому что по душе. Скажи мне, Авантюрина: а ты нашла себе что-то по душе?

Я скрежетнула зубами и заскребла когтями правой лапы по груди золота.

— Да ну, уроки — скукотища!.. Я хочу путешествовать и...

— А как, скажи на милость, ты намерена разговаривать с теми, кого повстречаешь в своих путешествиях? — вкрадчиво поинтересовалась мама. — Или ты продвинулась в изучении языков больше, чем мне представляется?

Яспис за спиной у меня сдавленно хихикнул. Я развернулась и пустила в него сполохом. Он не стал уворачиваться — позволил огню вспыхнуть прямо ему в нос, ничего ему от этого не сделалось. Только глазами блеснул — веселился.

— Я и так уже говорю на шести языках, — промямлила я, снова повернувшись к маме.

Но голову опустила — взглянуть ей в глаза не смела.

— В твоём возрасте твоя сестра уже владела двадцатью языками, — и писала, и свободно изъяснялась, — сказала мама.

— Хм...

Выпалить огнем в маму я, разумеется, не могла. Но вот будь тут сестрица Лазурита, я бы ей задала, — только ее с нами нет, она живет далеко-далеко, в великолепном и единственном в своем роде дворце, огромном, вполне подходящем для дракона. Лазурита у нас поэтесса, она сочиняет эпические поэмы, от которых прочие драконы прямо в восторге, — да и все, кто с ней только ни познакомится, начинают ее боготворить, будто она королева какая-то.

С моей сестрой никому не сравниться. Даже и пробовать нечего.

Я чувствовала, как мама сверлит меня глазами — будто прочитала мои мысли.

— Слово, — процитировала она одного из любимых Ясписом философов, — вот величайшая сила дракона, стократ превосходящая клыки и когти.

— Знаю, — неохотно ответила я.

— Точно ли знаешь, Авантюрина? — Изогнув шею, мама склонила массивную голову и заглянула мне в глаза. — Отвага — одно дело, а безрассудство — совсем иное. Может, ты и считаешь себя грозным чудовищем, но за пределами этой горы не уцелеешь и дня. Поэтому лучше поблагодари-ка судьбу, что за тобой есть кому приглядеть — тем, кто старше и умнее.

Две минуты спустя мама уже спала, и ее глубокое дыхание мерным эхом отдавалось под сводами пещер — такое спокойное, будто мы с ней и не ссорились.

— Не уцелеешь и дня? — шепнул Яспис, как только убедился, что мама крепко спит. Он стяхнул со спины последний самоцвет, застрявший в чешуе, и ухмыльнулся, оскалив все зубы. — Какое там! Ты и половины дня не уцелеешь, вот что. Даже четверти — уж я тебя знаю.

Расправив крылья, я сердито сверкнула на него глазами.

— Я сумею сама за себя постоять. Я больше и свирепее всех обитателей этих гор.

— Но смекалистее ли? — фыркнув, поддел меня братец. — Готов поспорить на все золото в этой пещере — по части философских споров тебя даже волки обойдут. И они уж точно ничего не поджигают каждый раз, как проиграют!

— Да что ж это такое! — Я в сердцах ударила хвостом. Но деваться было некуда. Стены пещеры смыкались вокруг — как будто все теснее с каждой минутой, давили, не давали дышать.

И просидеть в этой западне еще тридцать лет, выслушивая, как родственнички отчитывают меня за то, что мне тут скучно?

Никогда.

Вот тут я и поняла, что именно мне надо делать.

Нет, кто бы что ни говорил, я не дурочка. Поэтому я выждала, пока Яспису надоест меня дразнить и он устроится читать одну из новеньких человеческих книжек, ту, что я еще не спалила. Какой-то там очередной философский трактат. Значит, в ближайшее время братцу будет не до меня.

— Пойду прогуляюсь по тоннелям, — сообщила я, когда он перелистнул когтем уже пятую страницу.

— Угу, — отозвался Яспис, даже не подняв глаз. — Авантюрина, ты только послушай: этот автор полагает, будто есть мясо безнравственно! И рыбу тоже, ты подумай! Он не желает причинять боль ни одному дышащему созданию и потому питается лишь растениями. Поразительно, а?

— Поразительно? Да он с голоду помрет! — Я содрогнулась и прижала уши. — Говорила я тебе, у людей вместо мозгов труха.

Но брат меня уже не слушал. Он поднес крошечную книжку поближе к глазам, урча от удовольствия и блаженно выпуская струйки дыма из ноздрей.

Я аккуратно переступила через его хвост. Передними лапами, потом задними. Путь к свободе был открыт.

По тоннелям разносился раскатистый храп. Каждый в своей пещере, крепко спали дедушка Пироп, тетушка Турмалина и тетушка Смарагда. К счастью, сейчас, когда солнце высоко в небе, вряд ли кого-то из них разбудит легкое царапание в темном уголке. Я еще два года назад обнаружила боковой тоннель, слишком тесный для старших, и вот теперь, извиваясь, ползла по нему на животе. На самом верху был выход наружу, и я надежно заткнула его каменнойкой размером со свою голову. Это было мое секретное место, самое любимое в мире.

Конечно, я давным-давно показала его Яспису, но он сюда лазал редко — только если я его притаскивала. Для него главное счастье в жизни — свернуться в пещере с книжкой или марасть бумагу чернилами, макая в них коготь, и строчить длиннющие комментарии к прочитанному.

Так что секретным выходом из пещеры владела в основном я. Отвалишь камень, высунешь нос, глубоко дышишь свежим воздухом внешнего мира и смотришь, как по небу плывут облака. Двинуться дальше я никогда не решалась, но подолгу лежала, глядя вдаль и мечтая, как в один прекрасный день мне позволят расправить крылья и взлететь в бескрайнее небо.

Но сегодня я впервые в жизни решила перейти от мечтаний к делу.

Теперь-то я докажу Яспису — и маме тоже! — что уже выросла и вполне самостоятельна. И тогда взрослым нечем будет крыть, и они не смогут больше держать меня взаперти.

Вся дрожа от волнения и предвкушения, я тесно прижала крылья к бокам и двинулась наружу — в большой мир, к свободе.

Выбраться из тоннеля оказалось труднее, чем я предполагала. Плечи у меня в последний миг застряли, и я едва не зарычала от досады. Но пришлось прикусить язык и проглотить клубы дыма, которые норовили вырваться и полыхнуть огнем. Шуметь было нельзя. Но наконец — пумс! — я выдралась на свободу. От сильного рывка шлепнулась на камни и... заскулила от боли. Ведь скала была неровная, твердая, и я оцарапалась — и теперь на моих серебристо-пунцовых крыльях были ссадины и дырки.

Что говорила мама? «У тебя чешуя еще не отвердела, ее даже волк прокусит...»

Я стиснула зубы и поднялась на все четыре лапы, а пораненные крылья нянчила, прижимая к бокам. Каждый порыв ветра теребил их, и я морщилась, но с тихим утробным рычанием отогнала боль.

Так, сегодня попробовать летать не получится. Неважно. Чтобы поймать добычу, летать вовсе не обязательно.

Передо мной впервые в жизни распахнулась синева неба — вот она, свобода. За спиной у меня вздымалась острая вершина нашей горы. Внизу расстилалась лесистая долина. А между ними, где-то в зеленых холмах, на каменистых тропах, бродили крошечные люди и звери.

Принюхиваясь к запахам добычи, я направилась вниз по склону.



## Глава 2

Оказалось, охотиться вовсе не так легко, как я воображала.

Горные крутые тропинки были из шершавой и твердой земли, и на каждом шагу из-под моих лап летели камушки и комья грязи. Уж как я старалась ставить лапу помягче, но эти маленькие предатели все равно со стуком катились и прыгали вперед — точно предупреждали всех: вот идет дракон. Так я бродила целых два часа и уже готова была от злости подпалить горный склон, да и в животе у меня бурчало громче, чем я сама сетовала на свое невезение.

Снова и снова до меня доносился птичий щебет — добыча была совсем рядом, так и просилась в пасть. В какой-то момент я даже почуяла восхитительное дуновение — запах теплой крови: неподалеку проскользнули какие-то звери, совсем близко! Но когда я бросилась бежать, надеясь застать их врасплох, тоненький ручеек камушков у меня под лапами вдруг превратился в камнепад, я поскользнулась, неудержимо поехала вперед и врезалась в колючие и жесткие сосны... а когда наконец выскочила на тот заманчивый запах, добычи и след простыл.

Ужасно несправедливо! Невыносимо! Я запрокинула голову, и меня прямо затрясло от ярости. Но рычать было нельзя — а то родственники услышат.

Сейчас-то они уже проснулись у себя в пещерах. Конечно, сразу меня не хватятся — им даже в голову не придет. Я и раньше уходила на разведку по тоннелям. Но если я скоро не вернусь, они заподозрят неладное... А если меня застукают раньше, чем я изловлю хоть кого-то съедобного, тогда больше ничем не выпустят из горы.

Возвращаться с пустыми лапами нельзя! Надо поймать добычу, чего бы это ни стоило!

Вот тут-то где-то ниже по склону запел чей-то тонкий голос.

Человек, не иначе.

Ноздри у меня дрогнули. Все чувства обострились — мигом, как вспыхивает пламя. Я чуюла упоительный запах живого существа с теплой кровью. Что еще лучше, к нему примешивался аромат горячей сосны.

Человек развел огонь. Сидит у костра неподвижно. И поет.

Значит, не услышит, как я подкрадываюсь!

Все мои мускулы напряглись, я прижалась к земле, готовясь к прыжку. Но не прыгнула. Даже я не настолько безрассудна.

Человеческие книжки я, может, и не жалую — я не Яспис, но дедушкины истории слушала очень внимательно.

А если у человека есть мушкет? Или сабля?

Люди — самая опасная добыча для дракона. Даже мама редко решалась охотиться на них в одиночку. Дедушка учил нас держаться от двуногих подальше, если мы гуляем по одному, и выбирать добычу с умом, такую, которая в бой не вступит. А у дедушки чешуя была тверже камня — ей ни пули, ни клинок не страшны.

Я покосилась на дыры в своих крыльях. Крылья ныли. Я тихо-тихо заскулила. Благоразумие пригвоздило меня к земле.

Но ведь...

О! Я представила себе, какая физиономия будет у Ясписа, когда я приволоку в пещеру целого человека. Даже чешуйки встопорщились. Я! Сама! Добуду целого человека!

Тогда даже маме придется признать: ее дочурка не пропадет в бескрайнем наружном мире. Промыслить человека — лучший способ доказать это. Так что надо его добыть!

Я задержала дыхание, снова припала к земле и начала красться вперед, земля и камни царапали мне брюхо. А человек пел себе да пел, и, приближаясь, я постепенно разобрала слова — язык был знакомый.

— Дорога бежит, дорога кружит, и нет у нее конца...

Ха! У любой дороги в этом мире есть конец.

Говорила я братцу — у людей не мозги, а труха.

Но вот я увидела свою добычу. Человек нашел по-таенную впадину — с трех сторон валуны и кривые сосны. В ней он развел костер, и теперь сидел на корточках у огня, спиной ко мне. Я выглянула сквозь заросли, плотно закрыв пасть, чтобы нетерпеливые клубы дыма не вырвались и не выдали меня.

Ни клинка, ни мушкета у человека не было. Вот и замечательно! И на редкостных и опасных магах он тоже не походил, — а уж хуже них никого нет. Но те носят длинные черные одеяния до земли и в них кажутся безногими. Дедушка как-то нарисовал нам с Ясписом картинку с таким опасным экземпляром и взял с нас слово даже близко не соваться к магам, пока чешуя

окончательно не отвердеет, а это будет лет через сто. Но мой человек у костра опасности не представлял: на нем были какие-то линялые обноски, вовсе не до земли, так что виднелись тощие ноги.

Но все равно, чтобы его поймать, действовать надо молниеносно. Иначе он успеет выхватить из своего здоровенного дорожного мешка меч или лук со стрелами, или что там у него найдется — топор?

«Я крупнее и свирепее, чем он, — твердо напомнила я себе. — Я самый страшный обитатель этой горы».

Именно в этот миг человек медленно повернулся ко мне.

Пора! Я разинула пасть и кинулась на него. Молча.

— А-а-а! — завопил он и уронил что-то в котелок над огнем. Шарахнулся, споткнулся о камень и упал на спину, а я торжествующе мчалась на него.

И тоже завопила, потому что мои израненные крылья поцарапались о колючие сосны.

— А-а-а!

От боли я не рассчитала бросок и шлепнулась у самого костра, прижав крылья к бокам.

— Ой-ой-ой!

Ну вот. Человек выпучил глаза, и я поняла, что ойкала вслух.

— Р-р-ры! — Я вскочила и грозно оскалила пасть — все пятьдесят зубов. Так-то лучше. Человек хлопал глазами, по лицу у него катился пот. Он приоткрыл рот, но не издал ни звука.

Я нависла над ним и изготовилась нанести удар.

Вот тут-то я и почуяла аромат.

Чарующий, горячий, сладкий, необыкновенный. Он распускался, как цветок, прямо у меня под носом.

Я мгновенно повернула голову на гибкой шее к ко-  
стру. Со смертоносной скоростью.

— Это чем пахнет?

— Ч-ч-что? — Человек отполз, не сводя с меня испуганных глаз.

Ну и пусть отползает. Поймаю, никуда не денется. Сейчас меня интересовал только котелок над огнем — котелок, из которого поднимался ароматный пар и щекотал мне ноздри и пахнул так, что у меня слюнки потекли. Я должна попробовать то, что в котелке!

В нем бурлила самая обычная вода. Но в ней расплывались коричневые завитки — что-то растворялось, и вода темнела и густела на глазах.

— Что ты бросил в котелок? — спросила я.

— Шоколад. — Человек замер. — Это шоколад.

— Шо-ко-лад? — Никогда раньше о таком не слышала. Яспис ничего подобного не упоминал, хотя он прочел все человеческие философские книжки, какие только смог заполучить. И чего их философы восторгались поеданием растений, если могли пить такую вкуснотищу?

Я наклонилась над котелком как можно ниже, стараясь не опрокинуть его. Потом изо всех сил потянула ноздрями.

Небесное блаженство!

От удовольствия я заурчала так громко, что сосны на полянке зашатались.

— Это и есть шо-ко-лад?

Раньше мне хотелось только мяса и еще раз мяса — горелого, сырого, слегка подпаленного. Я привыкла думать, будто на свете нет ничего вкуснее, но теперь...

Интересно, Яспис так же блаженствует от своей философии?

Я должна попробовать шоколад! Не вынесу больше ни минуты! Половчее изогнув шею, я уже почти дотянулась до котелка, как вдруг...

— Стой! — Человек вскочил.

Не веря своим ушам, я отпрянула.

— Ты только что сказал «стой» — мне? — От ярости я взмахнула пораненными крыльями и впилась в него глазами. Вот этот мелкий муравьишка мешает мне попробовать мой шоколад?

— Все-таки сначала придется съесть тебя, — печально сообщила я.

— Нет! — Он прыгнул мне наперерез и замахал руками. — Я только хотел сказать, что шоколад еще не готов. Он еще не растворился, не загустел. Я еще даже никаких пряностей не всыпал!

Я подозрительно прищурилась.

— То есть он станет еще вкуснее?

— Вы что, раньше никогда не пробовали горячий шоколад? — спросил он.

— Ну... — Я вспомнила, как дедушка Пироп предупреждал меня насчет людского коварства, и уклончиво ответила: — Может, и пробовала. Всего и не упомянь.

Человек помедлил. Потом наклонился и поднял с земли оброненную деревянную ложку. Руки у него тряслись.

— Поверьте мне, вы не пожалеете. Погодите чуток — и попробуете настоящий полноценный шоколад.

Не дождавшись ответа, он отвернулся к котелку и принялся помешивать варево.

Я, не сводя с него глаз, села ждать.

Он сосредоточенно бормотал что-то себе под нос — разве только не напевал. Может, опять ту дурацкую песенку про дорогу? Нет, рифмы вроде какие-то другие, да и невелика важность, пусть себе поет свою человеческую чепуху, буду я еще вникать! Делать мне больше нечего.

Но вот он запустил руку в карман, и я тотчас перехватила ее когтем.

— Никаких клинков!

— Я... я... — Он замер. — У м-м-меня тут не клинок, — наконец выдавил он. — Убедитесь сами. — Вытащил какой-то мешочек. — Просто корица.

Ко-ри-ца? Я подозрительно понюхала мешочек. Ну, если он хочет меня отравить...

— Вот, пожалуйста, я попробую немножко сам. — Он набрал на палец чуточку оранжево-бурых крупинок. Слизнул. — Видите?

Я не видела, я чуюла аромат — тут и смотреть было незачем, главное — унюхать. Пахло из мешочка восхитительно.

— Всыпай в котелок, — приказала я. Мне не терпелось узнать, как пахнут шоколад и корица вместе. Я уже знала — это будет чудесно.

Человек всыпал в котелок щепотку-другую. Он тяжело дышал от волнения.

Ах! Я не ошиблась. Аромат изменился и стал в сто раз лучше.

Мне даже жаль стало тащить этого домой, на съедение нашим. Куда интереснее оставить его себе — пусть у меня будет свой ручной человечек, который по первому требованию сварит мне горячий шоколад.

К тому же из него получится трудолюбивый питомец — в этом я была уверена. Вон как прилежно мешает ложкой в котелке и все бормочет и напевает себе под нос, и весь напрягся — ничего вокруг не видит. Конечно, можно бы и прислушаться, и разобрать слова, но какое мне дело до людишек и их сочинений? Они никогда меня не интересовали. И вообще — я лучше буду смаковать аромат, который поднимается из котелка. Над варевом клубился белый парок, и мне хотелось окутаться этими клубами, завернуться в них, кататься, валяться... Горячий шоколад! Вот достойное дракона сокровище.

Выпью шоколад — надо будет порыться в торбе у человека, может, там еще найдется. Я уже точно знала: шоколад я люблю и мне захочется еще и еще, да побольше.

Наконец человек оторвался от варева и посмотрел на меня — с кривой испуганной улыбкой.

— Готово, — объявил он. — Прикажете налить в чашку или как?

Я усмехнулась, и мимо его уха пролетело облачко дыма.

— Ты правда думаешь, будто я смогу пить из ваших крошечных скорлупок?

— Думаю, нет, — ответил он. — Тогда лучше пейте прямо из котелка. — Он обернул руку своей тряпичной шкуркой, ведь у людей руки нежные. Взял посудину за длинную ручку и подал мне. — Только не спешите, он горячий.

Я протянула лапу и смерила человека презрительным взглядом.

— Так я дракон.

Мои когти сомкнулись на котелке — с таким трепетом я не держала даже прекраснейшие самоцветы. Потом я осторожненько поднесла котелок к пасти. Закрыла глаза и вылакала горячий, упоительно вкусный, благоуханный напиток.

Ах!

Меня затопило блаженство. Я подпрыгнула от удовольствия.

Шоко-шоко-шокола-а-а-ад!

Ах!

И вдруг внутри у меня все взорвалось, а мир вокруг померк.

